

«Для интерпретации Перестройки и выяснения ее исторического смысла гораздо более продуктивно использовать понятие «реформация»

Выступление на презентации доклада «1985-2015. Ценности перестройки в контексте современной России»

А.Н. Медушевский. Уважаемые коллеги! Я присоединяюсь к той высокой оценке Перестройки и Михаила Сергеевича Горбачева, которая здесь звучала. Это – фундаментальное событие российской истории, определившее отказ от ложного коммунистического мифа, неэффективной социальной модели, ошибочного выбора 1917 г. и заложившее основу движения страны к гражданскому обществу и правовому государству. Для меня лично Перестройка значит очень много, поскольку дала возможность выйти за пределы жестких советских идеологических ограничений, возможность свободно мыслить и действовать. Но позвольте перейти к докладу и сформулировать несколько дискуссионных вопросов для того, чтобы мы могли дальше обсуждать данное событие в более строгих категориях.

Прежде всего, необходимо уточнение понятий. В докладе фигурируют понятия – революции, реформы и революционной реформы. Мне представляется, что данные понятия неадекватны по отношению к такому явлению как Перестройка. Первое из этих понятий – «революция» предполагает (во всяком случае, в традиционном понимании термина) радикальную смену правящего класса и выдвижение новой мессианской идеи (это относится ко всем «великим» революциям – Французской, Русской, Иранской и др.). В период «Перестройки», очевидно, не произошло смены правящего класса, а мессианская идея (если даже допустить, что ей может быть принята концепция «нового мышления») не была воспринята миром.

Другое понятие из этого ряда – «реформа», возможно, ближе отражает существо преобразований, но также не может быть принято. Поскольку, как утверждают сами докладчики, если это была реформа, то без конкретного

плана и она оборвалась с распадом Советского Союза. В лучшем случае это – «незавершенная реформа». Наконец, понятие «революционная реформа» или «революция сверху» - вообще не убедительно, поскольку представляет собой очевидное противоречие в определении.

В силу этого мне представляется, что для интерпретации Перестройки и выяснения ее исторического смысла гораздо более продуктивно использовать понятие «реформация». Реформация XVI века в Европе, как известно, была широким движением интеллектуалов, выступавших против догм католической церкви и ее иерархии во главе с Папой (аналог КПСС и Политбюро), началась с морального осуждения индульгенций и инквизиции (аналог партийных привилегий и произвола зловещих органов госбезопасности), апеллировала к первоначальным подлинным ценностям христианства, искаженным церковной иерархией (апелляция к аутентичному марксизму, искаженному сталинизмом или так называемым «ленинским нормам»), наконец, завершилась секуляризацией и рационализацией сознания в форме протестантизма, во многом подготовив почву для капитализма и демократии. Горбачева, исходя из этого, следует сравнивать с Лютером, а не теми реформаторами, которые фигурируют в докладе. Такое понимание Перестройки, отсылающее к религиозной реформации в Европе, действительно связано с переосмыслением ценностей, можно сказать, с революционным переосмыслением ценностей. Но вместе с тем – не связано с революцией или реформой в традиционном их понимании. Эта логика анализа представлена в моей книге (См.: Медушевский А.Н. Ключевые проблемы российской модернизации. М., 2014. Гл. 8. С. 304-360).

Данный подход, на мой взгляд, позволяет нам лучше объяснить некоторые особенности Перестройки, которые поставили в тупик авторов доклада. Во-первых, Перестройка – не реформа: она вовсе не задумывалась как радикальный разрыв с прошлым, но, наоборот, возвращение к исходным революционным принципам. Во-вторых, она была не перспективно, а ретроспективно ориентирована: идеал будущего предполагалось открыть в

прошлом. Отсюда – установки на возвращение к т.н. «подлинному марксизму», «подлинной советской демократии», созыв «Съезда народных депутатов» по аналогии со съездами советов и т.д. В-третьих, упор делался не на научно выверенные технологии социальных преобразований, а на спонтанный механизм саморегуляции общества, способного (согласно марксистским иллюзиям) будто бы самостоятельно выработать правильное направление движения. Акцент делался на моральный импульс (преодоление пропасти между народом и партийной иерархией), а не точно продуманные и юридически сформулированные преобразования. Этим объясняется, в частности, то отсутствие «продуманного плана реформ», в котором часто упрекали Горбачева. Но может ли вообще существовать «план» морального возрождения?

В ходе настоящей дискуссии была сделана попытка интерпретации риторики и некоторых идеологических понятий инициаторов Перестройки, выразившая недоумение в причинах их появления и особенностей использования. Но это недоумение преодолевается анализом исторического контекста. Практически все ключевые понятия Горбачева – это эвфемизмы (буквально - «воздержание от неподобающих слов»), направленные на сознательное камуфлирование новой реальности в старых идеологических терминах. В этом смысле само понятие «Перестройка» - означает реформу без разрушения несущих основ системы; «новое мышление» - отказ от классовой теории; «общечеловеческие ценности» - возврат к теории естественного права и гарантиям прав личности; «гласность» - ограничение (но не полная отмена) цензуры; «неформальные организации» - контролируемый переход к многопартийности; «кооперативное движение» - осторожное движение к рыночной экономике; «демократизация» - постепенное ограничение однопартийной диктатуры. Все эти эвфемизмы, некоторые из которых (как «перестройка» и «гласность») были взяты из русской дореволюционной традиции, отражают ограниченные цели преобразований, понятное стремление избежать радикального разрыва

старой и новой политической систем, сохранить легитимность осуществляющей их политической власти. Фактически это – выражение исторического компромисса сторонников и противников перемен, который отражает неопределенность баланса сил, но одновременно – общий вектор изменений. Обращает на себя внимание сходство данной терминологии с той, которая фигурировала в Испании периода перехода от диктатуры Франко к демократии 1975-1978 гг. и выражала классическую модель договорного перехода к демократии. Этот переход, как признают его исследователи, чтобы быть эффективным, не мог избежать некоторого вынужденного «социального лицемерия», умолчаний и отказа называть вещи подлинными именами.

В связи с этим возникает естественный вопрос о том, какова, собственно, была изначальная цель Перестройки, как она задумывалась, и что получилось в результате. Авторы доклада полагают, что этой целью была «революционная реформа», она не состоялась, что приводит их к вполне определенному выводу о политическом провале перестройки. «Политически, - полагают они, - перестройка потерпела поражение» (С. 4 Доклада). Я думаю, что это не так. Если считать, что основная цель Перестройки состояла в реформации сознания, а не революции или реформе (как думают авторы), то мы получаем другую перспективу в рассмотрении этих явлений. Перестройка предстает вполне успешным политическим проектом, положившим конец утопическому и нереализуемому коммунистическому мифу и заложившим основу демократического переходного процесса вплоть до настоящего времени. На этой основе вполне возможны новые интеграционные проекты на постсоветском пространстве и полноценные реформы государственного строя.

Каким образом ситуация Перестройки вписывается в контекст глобального развития и международных отношений? Мне представляется, что в период Горбачева завершается длительный процесс перехода от параноидальной цивилизации к гедонистической, к обществу потребления,

которое в Европе развивалось гораздо раньше (фактически сразу после окончания Второй мировой войны, с принятием плана Маршалла и развитием ценностей «общества потребления», «государства всеобщего благоденствия» и т.п.). В процессе глобализации это развитие связано, конечно, с идеологией прав человека, прав индивидуальной личности, которые ранее не были артикулированы столь четко. Основными документами, фиксирующими этот поворот в Европе и мире стали Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Европейская конвенция о защите прав и основных свобод 1950 г. СССР, ратифицировав Хельсинские соглашения 1975 г, вступил на путь признания доктрины прав человека. Однако при сохранении догматического коммунизма и репрессивной политической системы реализация данных положений оказывалась невозможна. Так в советском обществе возник когнитивный диссонанс – противоречие между целями и средствами их достижения. Этот конфликт постепенно подтачивал государственную идеологию и в конечном счете заставил отказаться от нее. По существу ключевая причина Перестройки и связанного с ней социального конфликта состоит в крушении коммунистической утопии в глобальном масштабе. С позиций когнитивно-информационной теории это означало радикальную смену ценностей и поведенческих установок: если ранее общество было готово терпеть суровые лишения во имя будущих поколений, то в новых условиях эта установка переставала действовать. Молодые люди, в отличие от их отцов и дедов, оказались просто не готовы жертвовать настоящими благами современной жизни ради будущих поколений, а коммунистические призывы такого рода утрачивали рациональный характер и эмоциональную убедительность. Таким образом, коммунистическая утопия перестает действовать, столкнувшись с совершенно новыми ценностями. Поэтому не думаю, что следует говорить о политическом провале Перестройки. Это, скорее, было начало движения в сознании, которое не закончилось до сих пор.

С этим связан мой третий полемический тезис. Авторы доклада усматривают смысл Перестройки в отказе от централизованной государственной модели. «Перестройка, - считают они, - была порождена кризисом традиционной для России государственно-центричной модели, в рамках которой государство (власть) играло центральную роль в формулировании экономических, социальных и политических отношений» (С. 6). Предполагается, что в России исторически всегда доминировало начало централизованной власти, а Горбачев поставил его под сомнение. Этот тезис плохо согласуется с фактами. Горбачев действительно говорил о коммунистическом государстве как о теократии, стремился ограничить идеологический компонент в пользу государственнического. Но если вы убираете коммунистическую идеологию - то вы получаете то, что было до нее, а именно, то самое централизованное государство, которое исторически в России существовало, и ничего другого. Даже если бы проект перестройки был осуществлен полностью, государство никуда не исчезало. А в последующее время, несмотря на прекращение перестройки, оно возродилось вновь, как это неоднократно происходило в истории России. Почему это происходит – другой вопрос, который заслуживает отдельного обсуждения. Важен общий вывод. Преемственность этой модели сохраняется независимо от того, определяется руководящая сила как самодержавие, партия или президент. И возникает вопрос: мыслился ли отказ от этой централизованной модели государства? По-моему, как раз, напротив, Горбачев говорил (опять-таки это эвфемизм) о «переходе власти от партии к советам». И завершается этот процесс созданием института Президента СССР, который, по-моему, является как раз концентрацией власти, то есть делегированием полномочий одному лицу. Побочным негативным следствием этого преобразования, как признавал сам Горбачев, стало введение института президентской власти в республиках, способствовавшее децентрализации и распаду СССР. Однако речь не шла об отказе от самой централистской модели власти (она утвердилась в большинстве постсоветских республик). Именно эта модель в

новой России была заимствована Б.Н.Ельциным, зафиксирована Конституцией РФ 1993 г. и существует до сих пор. В этом смысле никакого перехода от исторической централизованной модели власти к какой-то другой я, по крайней мере, не вижу.

Особый пункт дискуссии связан с масштабом концепции Перестройки: что предполагалось изменить и что было изменено. Концепция Перестройки, как уже отмечалось, была ориентирована не перспективно, а ретроспективно. В основе лежало представление, что можно построить новое общество, федерализм, государственную власть, пересмотрев сталинизм, на основе старых ленинских идей. Со временем инициаторы преобразований пришли к более широкой концепции гуманистического социализма (включив в него концепцию прав человека). Тем не менее, в умах деятелей того времени от Горбачева до А.Д.Сахарова не был полностью преодолен гипноз советской идеологии. Характерны в этом отношении наивные споры того времени (на СНД): что такое социализм, как его определить, как выразить его принципы в юридических нормах? В результате, по истечении 70-летнего мучительного строительства нового общества, выяснилось, что никто не знает, что такое «социализм», не говоря о «коммунизме». Это была, однако, трудная и необходимая работа по преодолению стереотипов застывшего сознания советской номенклатуры, - то, что Вебер называл «расколдовыванием мира» в процессе его секуляризации и рационализации. Естественным результатом стал отказ от концепции социализма, подорвавший легитимность существующей идеократической системы – «светской теократии». Первоначальный ограниченный масштаб перестройки оказался взорван, ее границы преодолены, а инициаторы Перестройки были определены радикал-демократами как «консерваторы». Это был постепенный процесс, который развивался спонтанно, а его результаты было трудно предвидеть заранее.

В этом контексте заслуживает внимательного рассмотрения вопрос о когнитивных аспектах мотивации поведения элиты. Каковы эти мотивы?

Это, во-первых, естественное для всякой элиты стремление опереться на традиционную идеологию, хотя бы в ее модернизированном виде. Во-вторых, поиск концепции реформ в идеях 1960-х годов за неимением лучших ориентиров. Исследования, в том числе мои, показывают, что в основе перспективной конструкции политического устройства лежал утопический проект Конституции Хрущева, предполагавший, что советская система может функционировать, если вернуть ей демократический потенциал, превратить советы в некий аналог государственных учреждений и заставить их функционировать. Это была, безусловно, утопия, поскольку Советы никогда не были органами власти и не могли быть в силу их аморфной социальной природы. Но эта утопия работала как когнитивный и мобилизационный мотив. Он определял, в частности, трудности обсуждения вопроса о разделении властей и переходе к президентской власти, поскольку эти институты, фактически, были несовместимы с официальной трактовкой принципа «советской демократии». В-третьих, выбор инструментов реформ: это были традиционные инструменты и технологии, использовавшиеся советской элитой ранее, которые плохо соответствовали целям демократических преобразований (апелляция к низовым советским и партийным структурам не давала эффекта в условиях паралича власти). К сожалению, новые технологии, уже представленные тогда в мировой политической практике, не были известны советским реформаторам и не получили применения.

В докладе доминирует представление о последовательном и целесообразном развитии концепции Перестройки, но практически не отражен спонтанный процесс смены общественных настроений. Однако если принять тезис о приоритете когнитивных параметров регуляции, то общая схема процесса выглядит иначе. В основе всего процесса Перестройки и постперестройки лежит когнитивный диссонанс в обществе. Начало процесса - психологический шок, вызванный снятием идеологических барьеров. Он порождает предсказуемую реакцию - завышенные ожидания общества,

которые не могут получить немедленной реализации. Результатом становится радикализация настроений и поляризация политических сил – правых и левых оппонентов компромиссной конструкции. Агрессивность крайних элементов политического спектра (понятие «бешеных» в терминологии Французской революции, использованное Горбачевым) возрастает по мере усиления трудностей и разочарования в переменах. Элита реформ постепенно утрачивает когнитивное доминирование в обществе и контроль над развитием событий. Это порождает «кризис Перестройки», которая оказалась неспособной овладеть процессом преобразований в силу отсутствия программы, инструментов, технологий и, в частности, в силу господства тех когнитивных моделей, который сложились в советский период. Это особенно справедливо в отношении федеративной реформы, которая полностью опиралась на советские представления о решении так называемого «национального вопроса», «самоопределении наций» в форме сецессии и проч., что стало легитимной основой сепаратистского движения.

Чрезвычайно дискуссионен тезис доклада о принципиальном различии между концепцией Перестройки и последующей стратегией преобразований. Если Перестройка «закладывала путь постепенной эволюции советской системы в направлении ее либерализации», -полагают авторы, то «новые правящие слои фактически отказались от реформы государства, от создания сильных и устойчивых институтов, действующих в условиях верховенства права» (с. 15 и 17). Основанием для такого взгляда служит, вероятно, конвульсивное развитие событий, связанных с распадом СССР (Новоогаревский процесс, Августовский путч, Беловежские соглашения 1991 г. конституционный кризис 1993 г.) с последующим революционным утверждением российского руководства у власти. На этом основании принято противопоставлять периоды Перестройки, радикальных реформ Ельцина и последующей стабилизации Путина. Но не являются ли они, скорее, логической сменой фаз одного процесса? Обращение к фактам показывает, что имеет место скорее преемственность конституционных

принципов, нежели «отказ от институтов, ценностей и процедур, заложенных еще перестройкой» (с.21). Конституция РФ 1993 г. опиралась на международные акты о правах человека, закрепляла либеральные ценности и принципы, а в конструировании политической системы полностью воспроизводила идеи Перестройки. Это вполне относится к общей трактовке разделения властей и прерогатив президентской власти.

В более широкой исторической перспективе здесь имеет место циклическая эволюция, причем эволюция достаточно логичная. Обращает на себя внимание тот факт, что Перестройка и постперестройка фактически повторяют все фазы революционного цикла 1917-го года, только в обратной перспективе. Позвольте не иллюстрировать это положение подробно, поскольку данный вывод аргументирован в моих сочинениях (См.: Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. М., 2005). Важен итог. В конечном счете, мы вновь приходим к той конструкции политической власти и личного управления, которая, по мнению многих авторов, сильно напоминает конструкцию Основных законов Российской империи в редакции 1906 года с той разницей, что там глава государства (монарх) был ограничен институтом контрассигнации законов, а у нас (в президентской республике) этого института не существует. Циклическая логика конституционного развития позволяет констатировать: в настоящее время мы достигли завершающей фазы цикла, начавшегося в эпоху преобразований Горбачева. Но это означает, что в будущем возможны другие циклы, основанные на иных когнитивных моделях.

Одним из факторов, ускоряющих или замедляющих смену фаз конституционного и политического развития в докладе справедливо признается внешнеполитическая ситуация. В истории России внешний фактор (итоги войн) играл важную роль в стимулировании либеральных реформ или, напротив, отказа от них (в периоды «контрреформ»). В случае Перестройки этот фактор стимулировал либерализацию политической системы. В основе концепции «нового мышления» лежала идея перестройки

не только советского строя, но и международных отношений. В докладе представлен вывод о том, что концепция нового мышления и Перестройки означает отказ от войны в международной политике, «Россия не должна воевать с внешним миром» (с.23). Это прекрасная фраза, но ей, очевидно, не хватает продолжения – «до тех пор, пока внешний мир стоит на позициях нового мышления». Если этой второй половины не будет, то получается, что мы выдвигаем концепцию абсолютного пацифизма (а не относительного, который допускает «справедливые» войны). Есть только одна страна – послевоенная Япония, конституционно закрепившая этот принцип (ст. 9 Конституции Японии 1947 г.) под влиянием США, что, впрочем, не помешало ей иметь один из самых больших военных бюджетов в мире. Я не уверен, что Россия в современных условиях может позволить себе роскошь принять идею абсолютного пацифизма. И мне представляется, что последнее разъяснение Михаила Сергеевича (на юбилее падения Берлинской стены) о том, что этот процесс должен быть, безусловно, двусторонним, очень важно. Мы можем преобразовать мир только в том случае, если найдем в этом мире партнеров, которые понимают и разделяют ценности нового мышления, Перестройки и защиты прав человека.

В ходе дискуссии звучала тема итогов и уроков Перестройки. Важен вопрос о том, что мы можем взять из этого наследия для современности. Я считаю, что следует взять от Перестройки ее ценности, но постараться избежать ее инструментальных и технических ошибок. Это значит - переосмыслить Перестройку с позиций современных политических технологий проведения демократических реформ. В этом случае справедлив вывод авторов доклада: принципиальной задачей сегодняшнего дня является социально-экономическая, политическая и, я бы даже сказал, нравственная модернизация общества, которая должна проходить по линии принятия новых публично правовых стандартов, открытия России для международного сотрудничества, развития федеративной реформы, реализации разделения властей, укрепления законности. Ключевыми направлениями этой

модернизации призваны стать судебная и административная реформа, реформа местного управления, или, как минимум, – отмена нововведений «контрреформ» последнего времени в этих областях (Подробнее см.: Конституционные принципы и пути их реализации: российский контекст. Аналитический доклад. М., 2014).

Для достижения этих целей первостепенное значение имеет формирование элиты и бюрократии нового типа, разделяющей принципы социальной справедливости, правового государства, гражданской ответственности и функциональной рациональности. Решение этих задач предполагает переосмысление предшествующего исторического опыта российских либеральных преобразований, среди которых Перестройка М.С.Горбачева занимает уникальное и выдающееся место.

28.05.2015